

Г. Д. Неганова
Кострома

**Лексика культурного ландшафта: микротопонимы,
включающие народные географические термины
(на материале произведений писателей,
связанных с Костромским краем)**

Ряд произведений А. Ф. Писемского, А. Н. Островского, С. В. Максимова, Е. В. Честнякова и других писателей, чья жизнь или отдельные этапы творчества связаны с Костромским краем, являются ценным материалом для изучения лексики культурных ландшафтов Костромской области. Они дополняют и уточняют те данные, которые собраны в полевых условиях и содержатся в картотеке Костромского областного словаря (ККОС).

Значительный пласт подобной лексики составляют микротопонимы, включающие народные географические термины и являющиеся частью того географического пространства, которое называют культурным ландшафтом (КЛ). Отражая особенности местной народной речи, микротопонимы характеризуют рельеф местности – природный и обусловленный деятельностью человека – и, вместе с тем, сами обладают яркими этнокультурными характеристиками. Микротопонимы маркируют одушевленное человеком окружающее пространство и одновременно репрезентируют его образ.

Эта связь микротопонима с образом КЛ и значение имени географического объекта в языковом сознании человека подмечена А. Н. Островским и представлена в комедии «Дикарка». В пьесе даются три имени одной и той же части парка в усадьбе Ашметьевых. *Кокуй* в пьесе – исконное географическое название, понятное и нужное крестьянину в его жизни: *Это место по древности, от старых людей – Кокуй называется*. Прообразом Кокуя, по словам А. И. Ревякина, послужила «небольшая деревенька Кокуйки в четыре дома, находившаяся в трех-четырех километрах от Щелькова...» [Ревякин, 1978, 170]. По данным СРНГ, «название многих деревень. Собственно означает выселок» [14, 103]. Однако в пьесе А. Н. Островского Кокуем именуют не деревню, а, судя по ремарке, возвышенное место (или рощу, располагавшуюся на возвышенности). В народных говорах известно и такое значение слова *кокуй* – ‘высокое место, горка, холм’ [Полякова, 161]. В «Словаре народных географических терминов» Э. М. Мурзаева зафиксированы термины *кокуй* и *кукуй*. Первое слово означает в центральных черноземных областях перелесок, в Забайкалье – выселок, в Пермской области – поле, кладбище, в Кировской – малоплодородный участок с песчаной почвой [Мурзаев, 283]. Второй термин толкуется как «небольшая лесная роща, колок среди открытых степных ландшафтов», в молдавском языке – небольшая возвышенность, холм [Там же, 310]. Во всех говорах значение термина связано со значимой для мировосприятия деревенского жителя характеристикой КЛ.

Однако народное *Кокуй* оказалось ненужным в новом образе культурного ландшафта, искусственно, согласно моде, создаваемом владельцами поместья. При этом каждый из них отстаивал свой вариант имени столь примечательной природной особенности усадьбы. Сысой Панкратевич, старый слуга Ашметьевых, вспоминает: *Когда покойный барин... роцу под парк оборотили, так и беседка тут была построена, и строгий был приказ от барина всем, чтоб это самое место «Миловида» прозывалось; а барыня, напротив того, желали, чтоб беспременно «Бельвю»*. Новые имена, как не имеющие смысла в крестьянском мире, были отвергнуты мужиками: *Ну, а мужики, помилуйте!.. – восклицает старожил барской усадьбы, – им не вобьешь в башку-то, разве с ними возможно. Они и теперь всё Кокуй да Кокуй*.

В «Сказании о Стафии – Короле Тетеревином» Е. В. Честнякова имена географических объектов дают героям возможность определить свое местоположение и найти путь даже на незнакомой территории: *Тут и есть она (дорога. – Г. Н.) близко... через Пул; С Пула... пошел к ключику...* Микротопоним *Пул* – типичное обозначение возвышенностей в Костромском крае (Кадыйский, Судиславский, Солигаличский, Чухломский р-ны и др.). Если географический термин *пул* известен в говорах различных областей России (например, в Пермском крае это ‘выпуклая поляна в лесу’ [Полякова, 322], в Среднем Поволжье – ‘возвышенное место’ [Мурзаев, 46б]), то ареал лексемы *шабала* в значении ‘гора, высокий, крутой берег’ [Ганцовская, 86], ‘возвышенное место, горка’ [ККОС], также представленной у Е. В. Честнякова: *И увидел ручеек, как вся шабала... покрылась цветами («Ручеек»)*, – ограничен Кологривским районом Костромской области. Микротопоним *Шабала* зафиксирован в стихотворении «Я вижу с Шабалы домашнюю картину...» и в «Сказании о Стафии...» (*Стафий сначала летел не столь быстро: полминуты над Шабалой, полминуты над склоном горы...*), что также соответствует реалиям.

Почти вся территория Костромского края низменна. Любая возвышенность на фоне такого рельефа, как правило, имеет название. В произведениях писателей в таком качестве, пожалуй, наиболее частотное слово *гора*. Обратим внимание на одно из значений этого географического термина – ‘верх оврага’, представленное в книге «Лесная глушь» С. В. Максимова (*Тишина в овраге была невозмутимая. <...> Я поднялся... на гору*) и в произведениях Е. В. Честнякова – сказке «Ручеек» (*Дальше течет он (ручеек. – Г. Н.) между двух гор: на одной деревня стоит, на другой – старая часовня...*) и в «Сказании о Стафии – Короле Тетеревином» (*То – изба али то – баня / у оврага на горе; Ручеек течет прохладный / По оврагу под горой...*). В «Ручейке» верх оврага носит имя – *Михайлова гора* (в ур. Шаблово сохраняется до настоящего времени): *Ручеек вытекает из колодца под Михайловой горой; ...худенький да маленький, едва переливаясь под снегом, чуть-чуть слышит, как ребята кричат на Михайловой горе, на коньках да на санках катаются; Под Михайловой горой ходит скотина – вязко и грязно, набросаны разные палки*. С Михайловой горой связан весь путь ручейка, для него это ориентир-доминанта. Через восприятие ручейка читатель наблюдает за изменениями Михайловой горы, которые представляют картину жизни деревни в течение года. Созданный Е. В. Честняковым художественный образ КЛ полностью соответствует образу реального КЛ деревни Шаблово, в которой жил писатель.

Представленные в художественных произведениях, микротопонимы не только показывают значимость топонимического пространства в языковой картине мира деревенского жителя, но и активно участвуют в создании образа культурного ландшафта.

Ревякин А. И. А. Н. Островский в Щелькове. 2-е изд, испр. и доп. М., 1978

Л. В. Непоп-Айдачич
Киев (Украина)

Значение этимологических данных для реконструкции польского языкового образа цветов

Бесспорным является тот факт, что названия цветов в польском, как и в других языках, имеют разное происхождение. Многие номинации, будучи общеславянскими или собственно польскими, мотивируются основами, которые и сегодня принадлежат к активной лексике, что позволяет прочесть этнолингвистическую информацию, заключенную во флорониме, путем выявления причин возникновения лексико-семантической производности. Таким образом можно восстановить связь между внешним сходством формы цветка колокольчика и колокола в польском названии *dzwonek* или между неодинаковой окраской лепестков и существующей в польском языковом сознании ассоциацией с братом и сестрой (подкрепленной легендой) в синонимических названиях *bratki*, *brat z siostrą* ‘анютины глазки’ и т. д.

В настоящем докладе мы рассмотрим случаи дезтимологизации и заимствования, затемняющие мотивированность флоронимаций.

1. Пол. *kocanki* ‘цмин песчаный’ является производным от ласкательной формы слова *kot* [Spółnik, 1990, 80]. Сегодня эта связь стерлась и выявление мотивированности названия (отражающего признак пушистости растения) затруднено. Дезтимологизация характерна также для пол. *dziewanna* ‘коровяк’ (от псл. **divizna* < **diviti* ‘блестеть, яснеть’ [Там же, 66–67], по цвету лепестков растения). Пол. *macierzanka* ‘тимьян обыкновенный’, скорее всего, восходит к более раннему *macierza duszka* [Там же, 77–78]. Название мотивируется ароматом растения (от *duch* ‘запах’) и его лекарственными свойствами (от органа, на который оказывалось воздействие: *macica* ‘матка’).

2.1. Некоторые флоронимации-кальки утратили связь с иноязычным образцом в результате языковых преобразований на польской почве. Например, пол. диал. *łaniuszki*, *łanki* и ранние пол. *łanysz*, *łanoszka* (‘ландыш’) – производные от ст.-пол. *łanie uszka* – букв. «ушки оленя», являющегося калькой лат. *auricula cervi* [Sławski, 4, 47–48; ЕСУМ, 3, 190].

2.2. Адаптированные заимствования несут в себе скрытые этнолингвистические данные. Например, пол. *konwalia* (< *konwalijum* от лат. (*lilium*) *convallium* ‘ландыш’ (букв. «лилия долин»)) [ЕСУМ, 2, 547; Sławski, 2, 442–443] информирует о месте